

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.15838/sa.2023.1.37.3

УДК 314.4 314.5 | ББК 60.526

© **Иванова А.Е., Вангородская С.А.**

ЖЕНИТЬСЯ ИЛИ НЕ ЖЕНИТЬСЯ: КАК БРАЧНЫЙ СТАТУС ОПРЕДЕЛЯЕТ УСТАНОВКИ НА ДОЛГОЛЕТИЕ РОССИЙСКИХ МУЖЧИН?

АЛЛА ЕФИМОВНА ИВАНОВА

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: ivanova-home@yandex.ru

ORCID: [0000-0002-0258-3479](https://orcid.org/0000-0002-0258-3479); ResearcherID: [R-7551-2016](https://orcid.org/R-7551-2016)

СВЕТЛАНА АНАТОЛЬЕВНА ВАНГОРОДСКАЯ

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Белгород, Российская Федерация

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: vangorodskaya@bsu.edu.ru

ORCID: [0000-0002-1100-423X](https://orcid.org/0000-0002-1100-423X); ResearcherID: [AAD-4597-2022](https://orcid.org/AAD-4597-2022)

На основе данных Всероссийского социологического исследования, проведенного в рамках проекта «Демографическое самочувствие России» в 2019–2020 гг., предпринята попытка выявить взаимосвязь между установками на долголетие и брачным статусом российских мужчин с учетом их ценностных ориентиров. Полученные в ходе анализа результаты показали, что установки на наибольшие сроки желаемой продолжительности жизни демонстрируют мужчины, состоящие в браке и одновременно отметившие высокую значимость всех целей, имеющих как непосредственное, так и опосредованное отношение к сфере семьи. Это можно рассматривать как аргумент в пользу позитивного влияния брачно-семейных отношений на субъективно желаемую продолжительность жизни, а также как свидетельство кумулятивного эффекта, оказываемого на самосохранительные установки мужчин наличием разносторонних целей и интересов, лежащих как в сфере семьи, так и за ее пределами. Однако установки на сроки желаемой продолжительности жизни имеют максимальные значения и в группе мужчин, никогда не состоявших в браке, но при этом отметивших высокую значимость для себя профессиональных и личных це-

лей. Полученные результаты и выявленные на их основе закономерности не дают возможности сделать однозначные выводы о существовании прямой взаимосвязи между брачным статусом и установками на долголетие, но позволяют говорить о наличии как минимум двух жизненных стратегий, имеющих равные перспективы с точки зрения увеличения продолжительности жизни российских мужчин.

Брачный статус, состоящие в зарегистрированном браке, российские мужчины, одинокие мужчины, самосохранительные установки, желаемая продолжительность жизни, ожидаемая продолжительность жизни.

Введение

В последние годы проблема одиночества человека в современном мире все чаще рассматривается как следствие глубинных социальных трансформаций, сопровождающихся такими процессами, как «усиление индивидуализма, ослабление связей в первичной группе, интенсификация социальной мобильности, увеличение раздробленности в обществе...»¹. Нельзя не согласиться с мнением исследователей, утверждающих, что «сегодня одиночество становится реальностью современной жизни» (Зарубина, 2018, с. 1170), а в период пандемии COVID-19, сопровождавшейся длительным периодом социального дистанцирования, одиночество получило «новое социальное содержание» и стало «ключевой общечеловеческой проблемой» (Ростовская и др., 2022, с. 18).

Результаты исследований последних лет позволяют констатировать, что в России «происходят изменения, характерные для унифицирующихся социальных пространств индустриальных и постиндустриальных обществ: увеличение числа партнеров в течение жизни, постепенное снижение доли людей, вступающих в брак, повышение доли условно одиноких» (Inglehart, Welzel, 2010).

Одним из таких изменений стал переход от ценностей «рациональность – выживание» к ценностям «рациональность – самовыражение», выявленный R. Inglehart и K. Welzel (Inglehart, Welzel, 2010) в результате анализа данных Всемирного исследования ценностей и описанный А.В. Артамоновой и Е.С. Митрофановой применительно к matrimониальному поведению жителей разных стран

мира. Опираясь на теоретический подход, предложенный N. Balbo, F.C. Billari, M. Mills (Balbo et al., 2013), авторы констатируют, что «в целом, Россия вписывается в тенденции трансформации matrimониального поведения европейских стран» (Артамонова, Митрофанова, 2018, с. 131), а сама трансформация происходит «в ответ на изменение ценностей, которые проявляются в распространении нового образа мышления, направленного на самореализацию, постоянное саморазвитие, свободу самостоятельно принимать решения относительно вступления в союз того типа, который предпочитает сам индивид, в условиях отсутствия давления со стороны его окружения» (Артамонова, Митрофанова, 2018, с. 111).

Аналогичные выводы (также со ссылкой на данные Всемирного исследования ценностей и Европейского исследования ценностей) представлены в работе Л.А. Окольской, посвященной исследованию российских родительских ценностей, существенно изменившихся к 2017–2020 гг.: «Россияне стали меньше акцентировать ценности выживания (трудолюбие, бережливость, послушание), за исключением религиозности, вес которой значимо увеличился; возросла поддержка ценностей самовыражения (независимости и воображения)» (Окольская, 2021, с. 32).

В числе других причин, обуславливающих увеличение численности одиноких людей в современном мире, исследователи выделяют такие, как:

1) уменьшение экономической ценности детей, «что делает выгодным иметь их мало или вообще не иметь детей;

¹ Пузанова Ж.В. (2009). Социологическое измерение одиночества: автореф. дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.01. Москва. С. 3.

2) хорошо развитая система социального обеспечения и обслуживания пожилых людей <...>;

3) эмансипация и трансформация гендерных ролей в целом» (Дадаева, 2017, с. 457);

4) распространение современных репродуктивных технологий, позволяющих иметь детей без вступления в брачно-партнерские отношения;

5) обезличенность отношений и уменьшение плотности социальных контактов современного человека, с одной стороны, и недостаток личного пространства, сопровождающий жизнь в больших городах и вызывающий стремление к обособлению – с другой;

6) развитие современных высокотехнологичных средств коммуникации, заменивших для современного человека традиционные формы «живой» коммуникации (Смирнова, 2010);

7) повышение степени толерантности общества в отношении одиноких и бездетных людей.

Рассматривая масштабность переживаемых миром демографических перемен, их предопределенность и неотвратимость, А. Вишневский констатирует, что «исполнение «демографического долга» теперь требует от человека гораздо меньшего времени и сил, резко расширилась область индивидуальной свободы, не ограниченной объективными демографическими требованиями...» (Вишневский, 2014, с. 21). Следствием этого становится «право на свободный и социально приемлемый выбор между браком, сожительством и безбрачием, рождением детей и бездетностью, одиночным и семейным образом жизни» (Синельников, 2018, с. 47).

Таким образом, несмотря на то, что, по мнению экспертов, Россия «характеризуется средне-высоким показателем традиционности нормативных взглядов на семейно-гендерные отношения», проявляя большую консервативность «применительно к <...>

признанию необходимости брака или постоянных отношений»², число одиноких россиян, никогда не состоявших в браке и не планирующих менять свой матримониальный статус, с каждым годом увеличивается.

Рассматривая проблему увеличения числа одиноких мужчин в России, Т.А. Гурко и М.С. Мацковский выделяют ряд обстоятельств, обуславливающих мужское одиночество, как вынужденное, так и сознательное. К обстоятельствам, связанным с вынужденным одиночеством, авторы относят «трудности поиска, знакомства и выбора супруги; откладывание брака по объективным причинам (...); собственное умственное или физическое нездоровье, в том числе сексуальные расстройства» (Гурко, Мацковский, 1989, с. 19). Среди причин сознательного одиночества выделяются существенное влияние профессиональной деятельности (либо связанной с длительным пребыванием вне дома, либо конкурирующей с ценностью семьи в сознании мужчины и требующей значительных усилий, при которых семья выступает как «обуза»), осознанные гомосексуальные наклонности, характер воспитания и специфика взаимоотношений с родными в родительской семье (Bayer, 1981; Thornes, Collard, 1979) и т. д.

По данным всесоюзных и всероссийских переписей населения 1926, 1979, 1989, 2002, 2010 и 2020 гг., а также микропереписи 1994 года за последнее столетие доля одиноких мужчин³ в России была достаточно высокой, но относительно стабильной, составляя в разные периоды от 1/5 до 1/4 части всех мужчин в возрасте 16 лет и старше (рис. 1).

Некоторое уменьшение доли одиноких мужчин за первые два десятилетия XXI века (с 25,1% в 2002 году до 19,5% в 2020 году) не дает оснований для оптимистичных выводов, в первую очередь, по причине многократного увеличения (за период с 2002 по 2020 год – с 1,1 до 15,5%) численности мужчин, предпочитающих не афишировать свой

² Фабрикант М.С., Магун В.С. (2014). Семейные ценности россиян и европейцев // Демоскоп Weekly: Электронная версия бюллетеня «Население и общество». 6–19 октября. № 613–614. С. 1–15. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0613/demoscope613.pdf> (дата обращения 14.11.2022).

³ Под одинокими мужчинами мы будем понимать условно одиноких, идентифицирующих свой брачный статус как «никогда не состоял в браке».

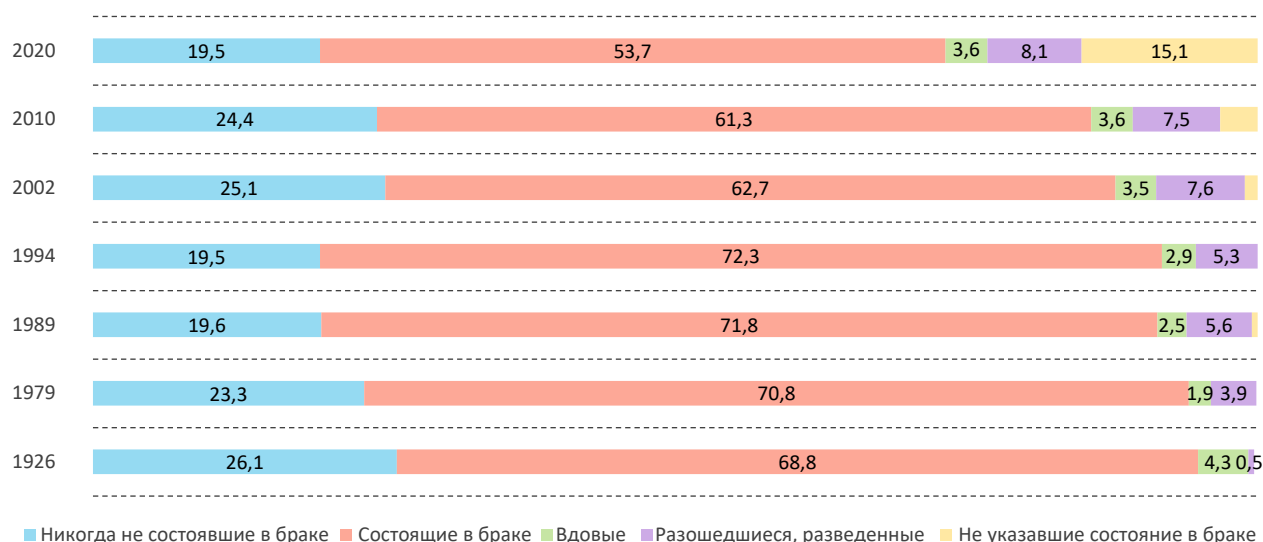

Рис. 1. Брачное состояние мужчин в возрасте 16 лет и старше по данным переписей населения 1926, 1979, 1989, 2002, 2010, 2020 гг. и микропереписи 1994 года, Россия, %

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики.

матримониальный статус. Если учесть сокращение за этот же период доли мужчин, состоящих в браке (с 62,7% в 2002 году до 53,7% в 2020 году), можно предположить, что определенный процент из 15,5% мужчин, уклонившихся в 2020 году от ответа о своем брачном статусе, относится к категории никогда не состоявших в браке.

Проблема мужского одиночества, его причин, особенностей и социальных последствий для России представляет особый интерес в связи с беспокойством, которое вызывает у экспертов низкая ожидаемая продолжительность жизни мужского населения. Факт, что, по данным ряда исследований, «мужчины менее приспособлены жить в одиночку», поскольку «получают больше от брака, как от социального института, чем женщины» (Гурко, 2018, с. 86), позволяет рассматривать институт брака в качестве одной из важнейших детерминант, оказывающих огромное влияние на показатели продолжительности жизни российских мужчин, а изменение роли семьи в современном обществе, связанное с утратой многовековых традиций и ослаблением социальных норм, <...> которые «регулируют и ограничивают индивидов в устройстве ими личной жизни» (Гурко, 2020, с. 34), – как прямую угрозу их здоровью и благополучию.

Ссылаясь на высказывание Н. Аристовой о том, что «и в прошлом, и в настоящем, и в обозримом будущем брак полностью отвечает интересам мужчины» (Аристова, 1990, с. 20–21), Г.М. Тихонов утверждает, что «одинокие мужчины гораздо меньше приспособлены к окружающей обстановке, чем одинокие женщины» (Тихонов, 2015, с. 26), а «женатый мужчина отличается от холостяка лучшим физическим и психическим здоровьем, он реже болеет, у него меньше шансов попасть под машину, стать алкоголиком, кончить жизнь самоубийством, он удачливее в профессиональной деятельности, дольше живет» (Тихонов, 2015, с. 27).

Конечно, данные утверждения в определенной степени можно отнести к разряду стереотипов, воздействие которых прослеживается также при рассмотрении причин мужского одиночества, к которым зачастую относят наличие тяжелых заболеваний, неадекватную самооценку, низкую заработную плату, неумение любить и наличие недостижимого идеала, слабые коммуникативные навыки, инфантильность, наличие социофобии и созависимости и пр. (Михайлова, 2013).

Между тем результаты исследований, направленных на выявление взаимосвязи между брачным статусом и параметрами физического и психологического благопо-

лучия (Bernard, 1982; Jaramillo-Sierra, 2016; Walters et al., 1997; Williams, 2003), не столь однозначны и говорят скорее о «важности качества брака, а не наличии его как такового» (Гурко, 2018, с. 75), а также о том, что «среди респондентов, пребывающих в браке, практически столько же счастливых, сколько среди респондентов, никогда не состоявших в браке» (Козырева и др., 2015, с. 129).

С другой стороны, сравнение, например, индикаторов психологического благополучия мужчин и женщин различного социального статуса, проведенное Т.А. Гурко на основе данных RLMS-HSE-2016⁴, наглядно демонстрирует более высокие оценки удовлетворенности жизнью мужчин и женщин, состоящих в браке, в сравнении с никогда в браке не состоящими.

В частности, в возрастной группе 23–39-летних полностью или скорее удовлетворены своей жизнью 60% мужчин, состоящих в браке, и только 46% никогда не состоявших в браке; очень или довольно счастливы – 64 и 43% соответственно. Одновременно с этим практически всегда или всегда испытывают чувство одиночества 2% мужчин из первой и 12% из второй группы. Аналогичные закономерности прослеживаются в отношении одиноких мужчин более старшей возрастной группы (40–54 лет), которые помимо меньшей удовлетворенности жизнью (33% против 48%) почти в три раза чаще в сравнении с состоящими в браке (17% против 6%) переживали в течение последнего года серьезные нервные расстройства и депрессии (Гурко, 2018, с. 81).

Достаточно дискуссионным представляется вопрос о влиянии брачного статуса на уровень смертности мужского населения России. Еще в 1912 году С.А. Новосельский констатировал превышение смертности холостых мужчин по отношению к женатым во всех возрастных группах в два (а в некоторых возрастах – в три) раза (Новосельский, 2012).

К аналогичным выводам в 30-е гг. XX века пришел специалист в области санитарной

и демографической статистики Л.С. Каминский. Анализируя взаимосвязь между семейным состоянием достигших брачного возраста мужчин и женщин и показателями смертности от разных классов причин, он заключил, что «смертность холостых превышает смертность женатых во всех возрастах, за исключением последней возрастной группы», причем «смертность в различных группах семейного состояния у женщин не дает столь характерных черт, как у мужчин»⁵.

Позже положительная корреляция между уровнями смертности и окончательного безбрачия была подтверждена А.Г. Волковым, который на основе сравнительного анализа демографической ситуации в 15 республиках СССР и сопоставления его результатов с данными зарубежных исследований сделал вывод о том, что во всех странах, по которым ему удалось получить статистические данные, «смертность холостых в среднем более чем вдвое выше смертности женатых» (Волков, 1986, с. 165).

Несмотря на столь обширную эмпирическую базу, очевидно, что выявленные в начале – середине XX века закономерности нельзя экстраполировать на настоящее время без критического анализа и осмысления, в первую очередь потому, что те факторы, которые определяли столь значительные различия в смертности между одинокими и женатыми мужчинами еще столетие назад (различия в жизненных средствах и удобствах, склонность одиноких к неумеренному потреблению алкоголя и беспорядочным половым связям и т. д.), в значительной степени устранены, следствием чего стало сглаживание показателей смертности населения различного брачного состояния. Анализ более точных статистических данных представляется затруднительным, поскольку «в современной России учет дифференцированной смертности по брачному состоянию практически невозможен» (Синельников, 2011). В то же время результаты анализа данных третьего и четвертого раундов Европейского со-

⁴ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE).

⁵ Каминский Л.С. (2019). Смертность и семейное состояние населения // Демоскоп Weekly: Электронная версия бюллетеня «Население и общество». 17–31 июля. № 819–820. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0819/nauka04.php> (дата обращения 12.11.2022).

циального исследования (2006 и 2008 гг.) позволили А.Б. Синельникову констатировать, что «в современных условиях <...> различия в состоянии здоровья и в уровне смертности между состоящими и не состоящими в браке не так велики, как это было в предыдущих поколениях» (Синельников, 2011).

Объекты и методы исследования

Цель исследования – выявление взаимосвязи между установками на долголетие и брачным статусом российских мужчин с учетом их ценностных ориентиров.

Эмпирической основой работы стали результаты Всероссийского социологического исследования, проведенного в рамках проекта «Демографическое самочувствие России» в конце 2019 – начале 2020 года в 10 регионах РФ⁶ (N = 5616, ошибка выборки – 5%). В качестве объекта для анализа были отобраны мужчины 35–49 лет (N = 842). В данном случае мы исходили из того, что представители более молодых когорт еще не успели вступить в семейно-брачные отношения. Что касается представителей более старших возрастных групп (от 50 лет и старше), то данную категорию мы исключили из анализа по причине ее малочисленности в рамках выборки.

Для изучения установок на желаемые сроки жизни была использована следующая формулировка вопроса: «Если бы у Вас была возможность выбора, то какое число лет Вы предпочли бы прожить при самых благоприятных условиях?».

Установки в отношении ожидаемой продолжительности жизни выявлялись посредством анализа ответов на вопрос «Как Вы думаете, если взвесить все: Ваше здоровье, условия и образ жизни, до какого примерно возраста Вам удастся дожить?»⁷.

Привлечение ряда дополнительных показателей (таких как отношение мужчин

к различным проблемам, мотивы употребления алкоголя и сигарет, самооценка здоровья и пр.) позволило выявить субъективные представления о гипотетической продолжительности жизни российских мужчин с учетом идеальных или реальных условий жизни индивида⁸ и может служить основой для постановки рабочих гипотез и формулирования промежуточных выводов.

Результаты исследования и обсуждение

Результаты изучения самосохранительных установок мужчин с разным брачным статусом показали незначительную разницу желаемого числа лет в пользу одиноких (у мужчин, никогда не состоявших в браке, – 92,9 года, у состоящих в зарегистрированном браке – 90,0 года) и ожидаемого числа лет жизни в пользу женатых мужчин (у мужчин, никогда не состоявших в браке, – 77,1 года, у состоящих в зарегистрированном браке – 78,4 года). Столь незначительная разница не дает оснований для однозначных выводов о влиянии брачного статуса, однако уже на данном этапе позволяет оценить неоднократно подтвержденное в ходе исследований существенное превышение желаемых сроков жизни в сравнении с теми, на которые мужчины рассчитывают, исходя из реальных условий своей жизни.

Закономерно также отношение мужчин с различным брачным статусом к созданию семей без регистрации супругов. Из числа мужчин, состоящих в зарегистрированном браке, полностью и в целом одобряют незарегистрированные браки 31,0%, в целом не одобряют или категорически против – 62,4%. Что касается одиноких мужчин, то здесь соотношение прямо противоположное: за такую организацию жизни, как сожительство, высказались 60% мужчин, против – 31,2%. Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживает высокий процент сторонников неза-

⁶ В число регионов – участников исследования вошли г. Москва, Ивановская, Московская, Вологодская, Волгоградская, Нижегородская и Свердловская области, Ставропольский край, республики Башкортостан и Татарстан.

⁷ Более подробно формулировки вопросов Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие России» см. на сайте научного проекта по демографии «Демография2020.рф». URL: <http://демография2020.рф>

⁸ Антонов А.И. (2005). Микросоциология семьи. Москва: ИНФРА-М. С. 324.

регистрированных браков среди одиноких мужчин, который может свидетельствовать о том, что часть мужчин, определивших свой матримониальный статус как «никогда не состоял в браке», могли в момент опроса находиться в незарегистрированных брачных союзах.

Оценивая трудности, с которыми приходится сталкиваться самим мужчинам и их близким, все участники опроса, независимо от брачного статуса, указали на невысокую значимость проблемы безысходности и отсутствия перспектив в жизни. В частности, 4–5 баллов из 5 этой проблеме поставили всего 18,5% одиноких и 18,6% женатых мужчин. В то же время более половины всех опрошенных (65,4% одиноких и 59,9% находящихся в браке) мужчин оценили данную проблему как незначимую (1–2 балла из 5).

Как одинокие, так и состоящие в браке мужчины высказали примерно одинаковое отношение к усталости и переутомлению. Половина мужчин – участников опроса (50% одиноких и 48,7% женатых) оценили важность этой проблемы в 1–2 балла по 5-балльной шкале, а на ее высокую значимость (4–5 баллов) указали пятая часть одиноких (20,2%) и чуть более четверти (26,0%) находящихся в браке мужчин. Разница в 6%, на наш взгляд, кажется вполне логичной, хотя и не может считаться достаточно существенной для выводов о большем переутомлении мужчин, находящихся в браке.

Столь же закономерным выглядит большая значимость нехватки денег, постоянных материальных проблем, на которую чаще указывают мужчины, состоящие в браке, нежели никогда не состоявшие в браке. В частности, средние и высокие оценки проблеме значимости денег (3–5 по 5-балльной шкале) поставили 47,8% одиноких и 58,0% мужчин, состоящих в браке. Такую же разницу – в 10% – продемонстрировали мужчины, указавшие на низкую значимость материальных проблем (52,2 и 42% соответственно).

Достаточно очевидной выглядит более высокая значимость для одиноких мужчин проблемы организации быта и веде-

ния домашнего хозяйства. На 4–5 баллов по 5-балльной шкале ее оценили почти около трети (30,5%) одиноких и только 18,6% женатых мужчин.

О высоком уровне стресса, характерном для современных российских мужчин вне зависимости от брачного статуса, свидетельствует распределение ответов на вопрос о причинах потребления алкоголя. В обеих группах на первое место респонденты поставили «возможность расслабиться» (27% одиноких и 39,3% женатых мужчин). Еще 27% одиноких и 10,8% женатых мужчин признались, что употребляют алкоголь, чтобы забыть о проблемах или отвлечься от них.

Интересно также отметить, что 16,5% мужчин, находящихся в браке, ответили, что употребляют алкоголь «для поддержания компании»; среди одиноких доля выбравших данный вариант ответа несколько меньше – 10,8%.

Что касается потребления табака, то оно рассматривается мужчинами преимущественно как вредная привычка (на это указали 31,0% одиноких и 26,1% женатых мужчин). На его способность помочь отвлечься от проблем или забыть о них указали 34,5% мужчин, никогда не состоявших в браке, и 16,6% женатых.

При этом вне зависимости от матримониального статуса мужчины дают среднюю оценку значимости отсутствия вредных привычек для достижения успеха в жизни (3,3 по 5-балльной шкале для никогда не состоявших в браке и 3,4 – для состоящих в зарегистрированном браке).

Среди мужчин, никогда не состоявших в браке, 59,4% оценили свое здоровье как очень хорошее и хорошее (в группе состоящих в браке такую оценку дали только 41,4% участников опроса). В то же время оценили свое здоровье как удовлетворительное 36,6% мужчин из первой и 52,5% из второй группы, как плохое и очень плохое – 4 и 6% соответственно.

Также в обеих группах выявлена прямая взаимосвязь между самооценкой здоровья и сроками желаемой продолжительности жизни (рис. 2).

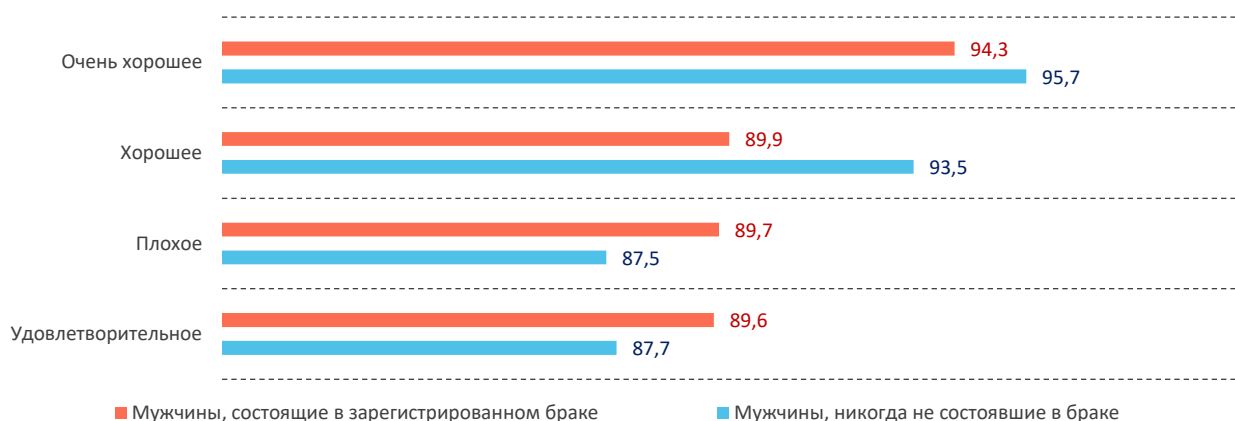

Рис. 2. Соотношение самооценки здоровья и представлений о желаемой продолжительности жизни, мужчины 35–49 лет (указаны стандартные ошибки величин средней желаемой продолжительности жизни), %

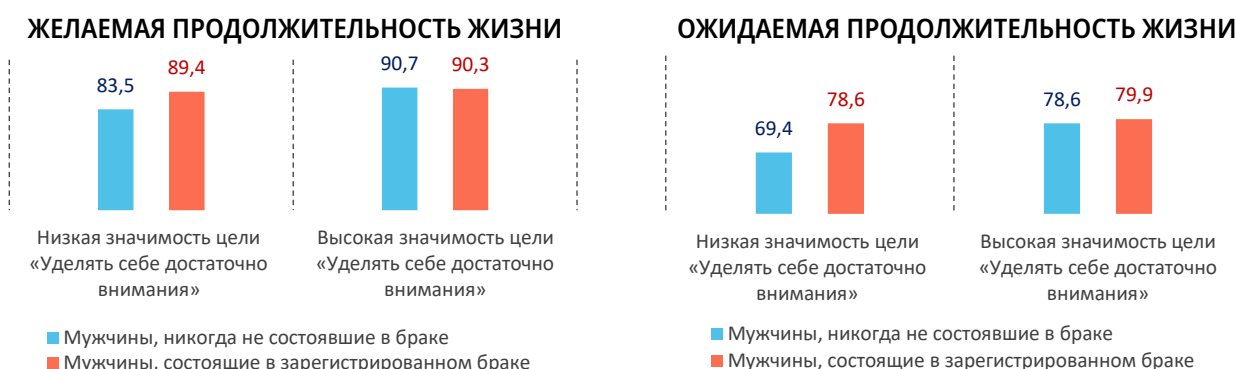

Рис. 3. Представления о желаемой и ожидаемой продолжительности жизни в зависимости от важности цели «Уделять себе достаточно внимания», мужчины 35–49 лет (указаны стандартные ошибки величин средней желаемой и ожидаемой продолжительности жизни), лет

Если разница между средними показателями желаемой продолжительности жизни в двух группах мужчин практически отсутствует (91,7 и 89,9 года), то в зависимости от самооценки здоровья данные показатели обнаруживают существенные различия. Также необходимо обратить внимание, что никто из мужчин, никогда не состоявших в браке, не оценил свое здоровье как очень плохое. Это делает невозможным сравнение сроков желаемой продолжительности жизни по данному параметру, хотя и может служить основанием для постановки исследовательских гипотез.

Учитывая, что самосохранительное поведение предполагает планомерные и целенаправленные усилия по поддержанию и восстановлению здоровья, результаты, полу-

ченные в отношении цели «Уделять себе достаточно внимания» (важность для мужчин, никогда не состоящих в браке – 4,0, для состоящих в зарегистрированном браке – 3,8) и ее связи с показателями желаемой продолжительности жизни, можно считать маркером, позволяющим с определенной долей вероятности судить о гипотетически возможной активности мужчин в сферах организации рационального питания, занятий физической культурой, медицинской активности и пр. (рис. 3).

Это важно в связи с тем, что результаты кластерного анализа факторов роста ожидаемой продолжительности жизни в 80 странах мира в очередной раз подтвердили сделанный ранее экспертами⁹ вывод, что «расширение практик здорового образа жизни,

⁹ World Health Organization (2010). Global Status Report on Noncommunicable Diseases 2010. Description of the Global Burden of NCDs, their Risk Factors and Determinants. URL: <https://www.who.int/nmh/publications/ncd-report2010/en> (accessed 18.12.2022).

профилактики заболеваний ... определяет итоговые показатели здоровья в большей мере, чем развитие здравоохранения» (Колосницына и др., 2019).

Высокие показатели желаемой продолжительности жизни (90,7 года для одиноких и 90,3 года – для женатых мужчин), коррелирующие с высокой значимостью (4–5 баллов по 5-балльной шкале) цели «Уделять себе достаточно внимания» можно считать объяснимыми и вполне закономерными. Не так однозначны результаты, полученные в отношении двух групп мужчин-респондентов, определивших низкую важность для себя указанной цели. Наряду с предсказуемо более низкими показателями желаемой продолжительности жизни в обеих группах (83,5 и 89,4 года соответственно) обращает на себя внимание значительная разница в оценке данного показателя, составляющая почти 6 лет в пользу мужчин, состоящих в зарегистрированном браке. Подобное соотношение наблюдается в отношении ожидаемых сроков жизни. Оно может служить дополнительным аргументом в пользу наличия у женатых мужчин дополнительных целей, связанных с детьми и внуками, стимулирующих к увеличению желаемых и ожидаемых сроков жизни.

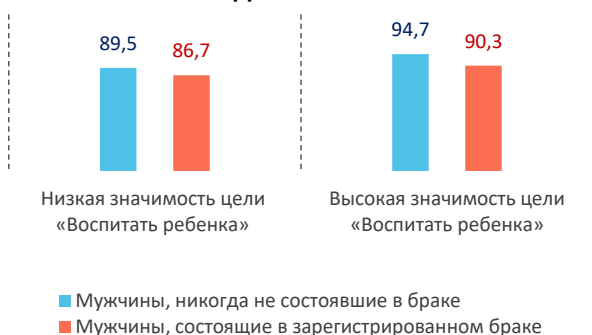
В отношении цели «Воспитать ребенка» (важность для мужчин, никогда не состоявших в браке, – 3,6, для состоящих в зарегистрированном браке – 4,6) ситуация также неоднозначна. С одной стороны (что предсказуемо и объяснимо), вне зависимости от своего матримониального статуса мужчины,

придающие большую значимость данной цели (4–5 баллов по 5-балльной шкале), демонстрируют, соответственно, установки на большие сроки желаемой продолжительности жизни (рис. 4).

Однако данные выводы не получится экстраполировать на показатели ожидаемой продолжительности жизни, которые, напротив, обнаруживают более высокие значения у мужчин, состоящих в браке, вне зависимости от важности целей, связанных с воспитанием детей. Причем аналогичные результаты были получены в отношении целей, не только напрямую затрагивающих семейно-брачную сферу, но и связанных с интересным проведением досуга (важность для мужчин, никогда не состоявших в браке и состоящих в браке, – 4,2 и 4,0 соответственно), общением с друзьями (важность – 4,0 и 3,7 соответственно), стремлением быть свободным и независимым (важность – 3,9 и 3,5 соответственно) и рядом других целей, анализируемых в рамках проведенного исследования (рис. 5).

Представленные выше данные наглядно демонстрируют, с одной стороны, отсутствие статистически значимых различий относительно взаимосвязи целей с самосохранительными установками мужчин различного брачного статуса. С другой стороны, нельзя игнорировать тот факт, что установки на наибольшие сроки ожидаемой продолжительности жизни демонстрируют мужчины, состоящие в браке и одновременно отметившие высокую значимость целей, так или иначе имеющих отношение к сфере семьи.

ЖЕЛАЕМАЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ

ОЖИДАЕМАЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ

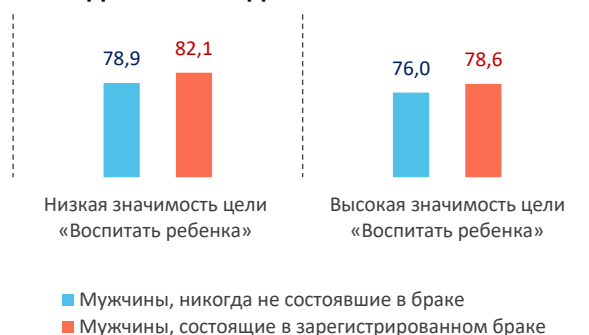

Рис. 4. Представления о желаемой и ожидаемой продолжительности жизни в зависимости от важности цели «Воспитать ребенка», мужчины 35–49 лет (указаны стандартные ошибки величин средней желаемой и ожидаемой продолжительности жизни), лет

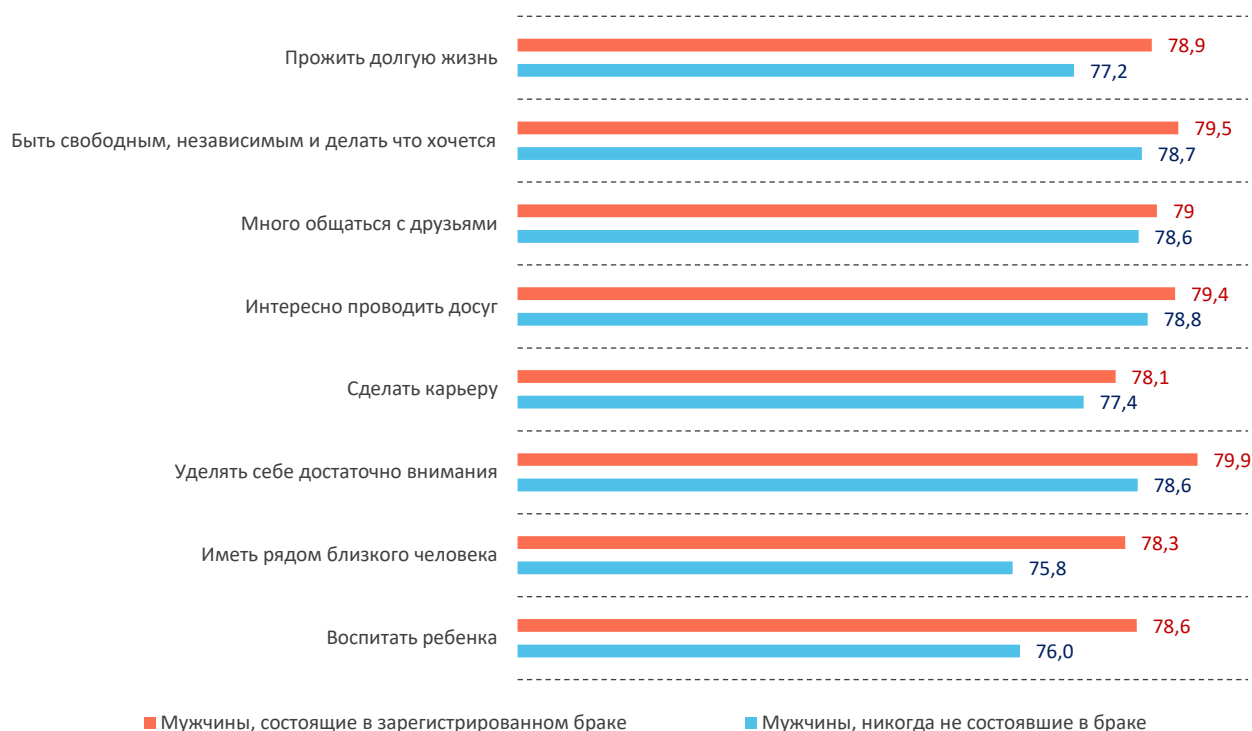

Рис. 5. Соотношение высокой значимости целей с установками на ожидаемые сроки жизни, мужчины 35–49 лет (указаны стандартные ошибки величин средней ожидаемой продолжительности жизни), лет

Это можно рассматривать как безусловное доказательство позитивного влияния брачно-семейных отношений на субъективно ожидаемую продолжительность жизни, а также как свидетельство кумулятивного эффекта, оказываемого на самосохранительные установки мужчин наличием разносторонних целей и интересов, лежащих в сфере семьи и за ее пределами.

В свете выявленных закономерностей уже не кажется парадоксальным сделанный Т.А. Гурко на основе анализа данных RLMS–HSE-2016 вывод о том, что «среди мужчин среднего возраста существенно больше состоящих в браке совершают туристические поездки, способны вести активную жизнь, занимаются играми на открытом воздухе, бывают в театре. Меньше <...> никогда не состоявших в браке в этой возрастной группе способны вести активную жизнь...» (Гурко, 2018, с. 83). В качестве рабочей гипотезы можно выдвинуть предположение о том, что само наличие рядом близких людей (жены и детей) наделяет женатых мужчин желанием вести более активную жизнь и большим оптимизмом в отношении про-

должительности своей жизни в сравнении с мужчинами, никогда не состоявшими в браке.

С другой стороны, мы не можем игнорировать результаты, полученные в ходе выявления установок на сроки желаемой продолжительности жизни, имеющие максимальные значения в группе мужчин, никогда не состоявших в браке, но при этом отметивших высокую значимость для себя профессиональных и личных целей (рис. 6).

Полученные результаты можно в определенной степени расценивать как доказательство более высокой удовлетворенности одиноких мужчин своей жизнью (исходя из формулировки вопроса о желаемых сроках жизни), а также более широкого горизонта планирования, включающего в себя достижение целей, не только связанных с профессиональным ростом и личностной самореализацией, но и предполагающих в перспективе создание семьи, рождение детей и воспитание внуков. Бесспорным доказательством последнего можно считать наибольшие значения желаемой продолжительности жизни у тех одиноких мужчин, которые отметили для себя высокую значимость цели «Иметь внуков».

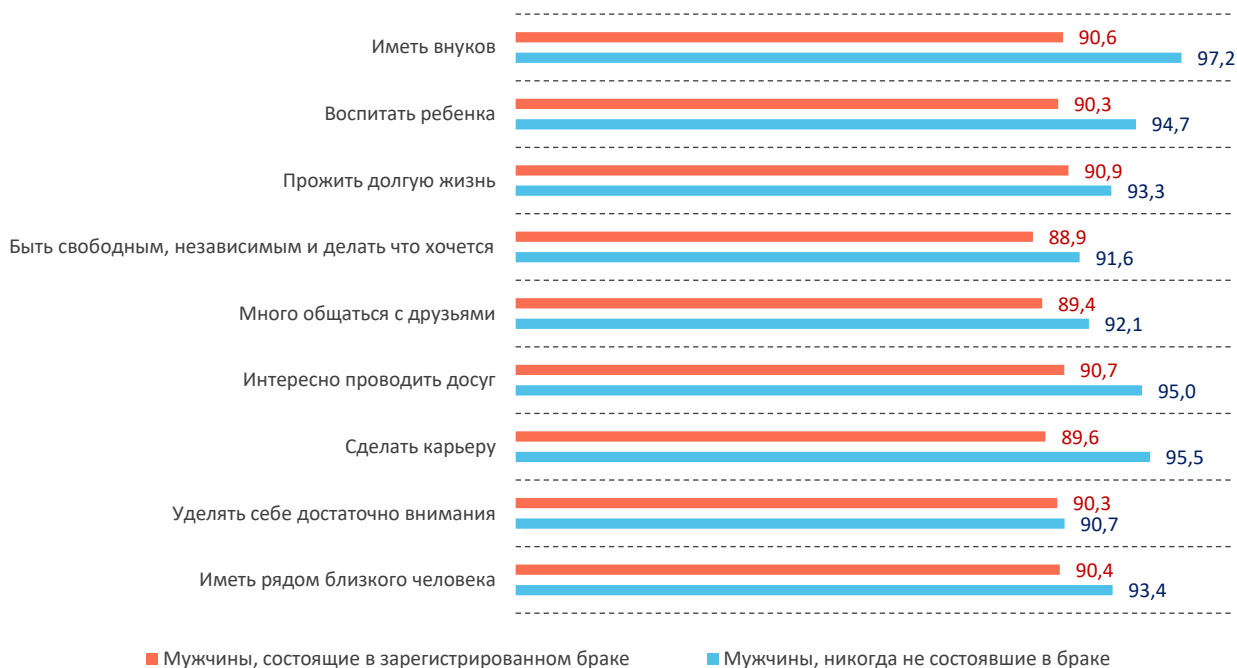

Рис. 6. Соотношение высокой значимости целей с установками на желаемые сроки жизни, мужчины 35–49 лет (указаны стандартные ошибки величин средней желаемой продолжительности жизни), лет

Выводы

Подводя итог сказанному выше, можно констатировать, что выявленные нами на основе анализа эмпирических данных закономерности не дают возможности сделать однозначные выводы о существовании прямой взаимосвязи между брачным статусом и установками на долголетие российских мужчин. С одной стороны, наличие у состоящих в браке мужчин целей, связанных с семьей, детьми и внуками, положительно коррелирует с их установками на более долгую жизнь по сравнению с неженатыми мужчинами. В этом смысле можно говорить о наличии стойкой взаимосвязи между самосохранительным и репродуктивным поведением, которая находила неоднократное подтверждение в ходе социологических исследований.

С другой стороны, респонденты, имеющие или декларирующие свой статус одинокого мужчины на всем протяжении репродуктивного возраста, также имеют шанс прожить долгую жизнь, поскольку, во-первых, как правило, имеют множество целей, выходящих за пределы семейно-брачной сферы, но тем не менее рассчитанных на долгосроч-

ный период реализации; во-вторых, зачастую отсутствие семьи и детей способствует достижению более высокого образовательного и материального статусов, также обнаруживающих положительную корреляцию как с самосохранительными установками, так и с реальными сроками жизни.

Полученные в ходе анализа самосохранительных установок результаты позволяют говорить о наличии как минимум двух жизненных стратегий российских мужчин, имеющих равные перспективы с точки зрения улучшения качества и увеличения продолжительности жизни. Одна из них может быть связана с созданием семьи, рождением детей и воспитанием внуков. Безусловно, с точки зрения общественных интересов данная стратегия является наиболее привлекательной и перспективной, поскольку ведет не только к индивидуальному долголетию, но и к улучшению демографических показателей общества.

В основу другой стратегии могут быть положены цели, лежащие вне семейно-брачной сферы, но также мотивирующие к долгой жизни. Важно, чтобы в современном обществе каждая из этих стратегий стала

социально одобряемой, предполагала ориентацию на разные концепции жизненного успеха и при этом работала на реализацию единой цели – увеличение продолжительности и качества жизни населения.

Таким образом, вопрос, вынесенный в заголовки статьи, не имеет однозначного ответа и в каждом конкретном случае будет зависеть не столько от брачного статуса мужчины, сколько от соотношения и взаимовлияния

множества других факторов, воздействующих на показатели здоровья и продолжительности жизни представителей сильного пола современной России. При этом в качестве одного из перспективных направлений развития данной проблематики мы видим выявление различий в ожидаемой и желаемой продолжительности жизни одиноких и женатых мужчин, а также изучение роли возрастного фактора в формировании этих различий.

ЛИТЕРАТУРА

- Аристова Н. (1990). Семья настоящая и предстоящая // Узы брака, узы свободы. Москва: Просвещение. С. 6–31.
- Артамонова А.В., Митрофанова Е.С. (2018). Матримониальное поведение россиян на фоне других европейцев // Демографическое обозрение. Т. 5. № 1. С. 106–137.
- Вишневецкий А. (2014). Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида *homo sapiens* // Демографическое обозрение. Т. 1. № 1. С. 6–33.
- Волков А.Г. (1986). Семья – объект демографии. Москва: Мысль. 271 с.
- Гурко Т.А. (2018). Благополучие мужчин и женщин различного брачного статуса: Россия в международном контексте // Социологический журнал. Т. 24. № 1. С. 73–94. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.1.5714
- Гурко Т.А. (2020). Теоретические подходы к изучению трансформации института семьи // Социологический журнал. Т. 26. № 1. С. 31–54. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.1.7052
- Гурко Т.А., Мацковский М.С. (1989). Одинокий мужчина в большом городе (постановка проблемы) // Становление брачно-семейных отношений / под ред. М.С. Мацкого, Т.А. Гурко. Москва: ИС АН СССР. С. 7–24.
- Дадаева Т.М. (2017). Семьи чайлдфри в регионе: миф или реальность? // Регионология. Т. 25. № 3. С. 456–471.
- Зарубина Ю.Н. (2018). Проблема одиночества в современном обществе // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования: XXI Междунар. конф. памяти проф. Л. Н. Когана (22–23 марта 2018 г., Екатеринбург). Екатеринбург: УрФУ. С. 1169–1178.
- Козырева П.М., Низамова А.Э., Смирнов А.И. (2015). Счастье и его детерминанты (статья 1) // Социологические исследования. № 12. С. 120–132.
- Колосницына М.Г., Коссова Т.В., Шелунцова М.А. (2019). Факторы роста ожидаемой продолжительности жизни: кластерный анализ по странам мира // Демографическое обозрение. Т. 6. № 1. С. 124–150. URL: <https://demreview.hse.ru/article/view/9784/10974> (дата обращения 12.11.2022).
- Михайлова А.И. (2013). Осмысление феномена одиночества как социального явления // Ученые записки Забайкальского гос. ун-та. Сер.: Философия, социология, культурология, социальная работа. № 4 (51). С. 90–94.
- Новосельский С.А. (1912). Смертность и семейное состояние населения Санкт-Петербурга // Вестник общественной гигиены. Кн. 8. С. 1–7.
- Окольская Л.А. (2021). Российские родительские ценности в межстрановом контексте с 1990–1991 по 2017–2020 гг. // Социологический журнал. Т. 27. № 4. С. 32–52. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.4.8643>
- Ростовская Т.К., Сулейманлы А.Д., Гневашева В.А., Толмачев Д.П. (2022). Одиночество в условиях пандемии: страновой обзор // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер.: Социология. Политология. Т. 22 (1). С. 17–22. DOI: 10.18500/1818-9601-2022-22-1-17-22
- Синельников А.Б. (2011). Влияние брачного статуса на самооценку состояния здоровья // Социальные аспекты здоровья населения. № 4 (20). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/332/30/lang.ru> (дата обращения 12.11.2022).
- Синельников А.Б. (2018) Семейные ценности как цель в жизни для законных супругов и сожителей // Народонаселение. Т. 21. № 2. С. 46–59. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-2-04

- Смирнова А.О. (2010). Социальное одиночество: сущность, типы, причины, методы преодоления // Вестник РГГУ. Сер.: Философия. Социология. Искусствоведение. № 3 (46). С. 161–175.
- Тихонов Г.М. (2015). Феномен одиночества: гендерный аспект // Вестник Пермского ун-та. Философия. Психология. Социология. Вып. 1 (21). С. 26–31.
- Balbo N., Billari F.C., Mills M. (2013). Fertility in advanced societies: A review of research. *European Journal of Population*, 29 (1), 1–38.
- Bayer A.E. (1981). The Psychoanalytic Frame of Reference in family study. In: Nye F.I. (ed.). *Emerging Conceptual Frameworks in Family Analysis: With a New Introduction for the 1980s*. New York: Praeger.
- Bernard J. (1982). *The Future of Marriage*. 2nd ed. New Haven, Connecticut: Yale University Press.
- Jaramillo-Sierra A.L. (2016). The future of marriage. *Journal of Family Theory & Review*, 8, 236–241. DOI: 10.1111/jftr.12137
- Inglehart R., Welzel C. (2010). Changing mass priorities: The link between modernization and democracy. *Perspectives on Politics*, 8 (2), 551–567.
- Thornes B., Collard J. (1979). *Who divorces?* London; Boston: Routledge & Kegan Paul.
- Walters L., Warzywoda-Kruszynska W., Gurko T. (1997). His and her marriages: A cross-national perspective. *Roczniki Sociologii Rodziny*, IX, 433–450.
- Williams K. (2003). Has the future of marriage arrived? A Contemporary examination of gender, marriage, and psychological well-being. *Journal of Health Social Behavior*, 44 (4), 470–487. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/pmc4018193> (accessed 16.11.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Алла Ефимовна Иванова – доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Российская Федерация, 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6; e-mail: ivanova-home@yandex.ru)

Светлана Анатольевна Вангородская – доктор социологических наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Российская Федерация, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85); ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Российская Федерация, 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6); e-mail: vangorodskaya@bsu.edu.ru

Ivanova A.E., Vangorodskaya S.A.

TO MARRY OR NOT TO MARRY: HOW DOES MARITAL STATUS DETERMINE RUSSIAN MEN'S LONGEVITY?

Based on the data of the All-Russian sociological survey conducted as part of the project “Demographic Well-Being of Russia” in 2019–2020, we attempted to identify the relationship between attitudes toward longevity and the marriage status of Russian men considering their value orientations. The results of the analysis showed that the settings for the longest periods of desired life expectancy are demonstrated by men who are married and who also noted the high importance of all goals that are both directly and indirectly related to the family sphere. This can be considered as an argument in favor of the positive influence of marriage and family relations on subjectively desired life expectancy, and also as evidence of the cumulative effect on men's self-preservation attitudes of having diverse

goals and interests that lie both within and outside the family. However, attitudes toward the terms of desired life expectancy have maximum values also in the group of men who have never been married, but who noted the high importance of professional and personal goals. The results obtained and the regularities revealed on their basis do not allow us to draw unequivocal conclusions about the existence of a direct correlation between marital status and longevity attitudes, but allow us to talk about at least two life strategies with equal prospects in terms of increasing the life expectancy of Russian men.

Marital status, married persons, Russian men, single men, self-preservation attitudes, desired life expectancy, expected life expectancy.

REFERENCES

- Aristova N. (1990). *Sem'ya nastoyashchaya i predstoyashchaya. Uzy braka, uzy svobody* [The Present and the Upcoming Family. The Bond of Marriage, the Bond of Freedom]. Moscow: Prosveshchenie.
- Artamonova A.V., Mitrofanova E.S. (2018). Matrimonial behavior of Russians in a European context. *Demograficheskoe obozrenie=Demographic Review*, 5(1), 106–137 (in Russian).
- Balbo N., Billari F.C., Mills M. (2013). Fertility in advanced societies: A review of research. *European Journal of Population*, 29 (1), 1–38.
- Bayer A.E. (1981). The psychoanalytic frame of reference in family study. In: Nye F.I. (Ed.). *Emerging Conceptual Frameworks in Family Analysis: With a New Introduction for the 1980s*. New York: Praeger.
- Bernard J. (1982). *The Future of Marriage*. 2nd ed. New Haven, Connecticut: Yale University Press.
- Dadaeva T.M. (2017). Childfree families in a region: Myth or reality? *Regionologiya=Regionology*, 25(3), 456–471 (in Russian).
- Gurko T.A. (2018). Well-being of men and women of different marital status: Russia in the international context. *Sotsiologicheskii zhurnal=Sociological Journal*, 24(1), 73–94. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.1.5714 (in Russian).
- Gurko T.A. (2020). Theoretical approaches towards studying the transformation of the family institution. *Sotsiologicheskii zhurnal=Sociological Journal*, 26(1), 31–54. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.1.7052 (in Russian).
- Gurko T.A., Matskovskii M.S. (1989). A single man in the big city (statement of the problem). In: Matskovskii M.S., Gurko T.A. (Eds.) *Stanovlenie brachno-semeinykh otnoshenii* [Formation of marriage and family relations]. Moscow: IS AN USSR (in Russian).
- Inglehart R., Welzel C. (2010). Changing mass priorities: The link between modernization and democracy. *Perspectives on Politics*, 8(2), 551–567.
- Jaramillo-Sierra A.L. (2016). The future of marriage. *Journal of Family Theory & Review*, 8, 236–241. DOI: 10.1111/jftr.12137
- Kolosnitsyna M.G., Kossova T.V., Sheluntsova M.A. (2019). Factors of the life expectancy increase: country-level cluster analysis. *Demograficheskoe obozrenie=Demographic Review*, 6(1), 124–150. Available at: <https://demreview.hse.ru/article/view/9784/10974> (accessed: November 12, 2022; in Russian).
- Kozyreva P.M., Nizamova A.E., Smirnov A.I. (2015). Happiness and its determinants. Part I. *Sotsiologicheskii issledovaniya=Sociological Studies*, 12, 120–132 (in Russian).
- Mikhailova A.I. (2013). Comprehension of loneliness phenomenon as a social phenomenon. *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gos. un-ta. Ser.: Filosofiya, sotsiologiya, kul'turologiya, sotsial'naya rabota=Scholarly Notes of Transbaikal State University. Social Sciences Series*, 4(51), 90–94 (in Russian).
- Novoselskii S.A. (1912). Mortality and marital status of the population of Saint Petersburg. *Vestnik obshchestvennoi gigieny=The Bulletin of Public Hygiene*, 8, 1–7 (in Russian).
- Okolskaya L.A. (2021). Russian parental values in the international context, 1990/1991–2017/2020. *Sotsiologicheskii zhurnal=Sociological Journal*, 27(4), 32–52. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.4.8643> (in Russian).
- Rostovskaya T.K., Suleimanly A.D., Gnevasheva V.A., Tolmachev D.P. (2022). Loneliness in the pandemic: Country overview. *Izvestiya Saratovskogo un-ta. Novaya seriya. Ser.: Sotsiologiya. Politologiya=Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 22(1), 17–22. DOI: 10.18500/1818-9601-2022-22-1-17-22 (in Russian).

- Sinelnikov A.B. (2011). Influence of marital status on self-evaluation of health. *Sotsial'nye aspekty zdorov'ya naseleniya=Social Aspects of Population Health*, 4(20). Available at: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/332/30/lang.ru> (accessed: November 12, 2022; in Russian).
- Sinelnikov A.B. (2018). Family values as the goal of life for legal spouses and cohabitants. *Narodonaselenie=Population*, 21(2), 46–59. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-2-04 (in Russian).
- Smirnova A.O. (2010). Social loneliness: Nature, types, causes, ways of overcoming. *Vestnik RGGU. Ser.: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie=RSUH/RGGU BULLETIN. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies*, 3(46), 161–175 (in Russian).
- Thornes B., Collard J. (1979). *Who Divorces?* London; Boston: Routledge & Kegan Paul.
- Tikhonov G.M. (2015). The loneliness phenomenon: Gender aspect. *Vestnik Permskogo un-ta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya=Perm University Herald. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"*, 1(21), 26–31 (in Russian).
- Vishnevskii A. (2014). The demographic revolution is changing the reproductive strategy of Homo sapiens. *Demograficheskoe obozrenie=Demographic Review*, 1(1), 6–33 (in Russian).
- Volkov A.G. (1986). *Sem'ya – ob'ekt demografii* [The Family is an Object of Demography]. Moscow: Mysl'.
- Walters L., Warzywoda-Kruszynska W., Gurko T. (1997). His and her marriages: A cross-national perspective. *Roczniki Sociologii Rodziny*, IX, 433–450.
- Williams K. (2003). Has the future of marriage arrived? A contemporary examination of gender, marriage, and psychological well-being. *Journal of Health Social Behavior*, 44(4), 470–487. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/pmc4018193> (accessed: November 16, 2022).
- Zarubina Yu.N. (2018). The problem of loneliness in the contemporary society. In: *XXI Mezhdunar. konf. pamyati prof. L.N. Kogana "Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya" (22–23 marta 2018 g., Ekaterinburg)* [21st International Conference in Memory of Professor L.N. Kogan "Culture, Personality, Society in the Modern World: Methodology, Empirical Research Experience" (March 22–23, 2018, Yekaterinburg)]. Yekaterinburg: UrFU (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alla E. Ivanova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, head of department, Institute of Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (6, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: ivanova-home@yandex.ru)

Svetlana A. Vangorodskaya – Doctor of Sciences (Sociology), Associate Professor, Belgorod State University (85, Pobedy Street, Belgorod, 308015, Russian Federation); Leading Researcher, Institute of Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (6, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation); e-mail: vangorodskaya@bsu.edu.ru